

БОРИС СОКОЛОВ

РАСШИФРОВАННЫЙ
ГОГОЛЬ

ВИЙ
ТАРАС БУЛЬБА
РЕВИЗОР
МЕРТВЫЕ ДУШИ

МОСКВА

2021

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
С59

В оформлении обложки
использована литография П.Ф. Бореля (1829—1898):
Everett Collection/Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Расшифрованный Гоголь. Вий. Тарас Бульба.
Ревизор. Мертвые души / Борис Соколов. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2021. — 384 с. — (Рас-
шифрованная литература. Гоголь).

ISBN 978-5-521-86637-3

Николай Васильевич Гоголь — один из самых таинственных и загадочных русских писателей. В этой книге известный литературовед и историк Борис Соколов, автор бестселлера «Расшифрованный Достоевский», раскрывает тайны главных гоголевских произведений.

Как соотносятся образы «Вия» с мировой демонологической традицией? Что в повести «Тарас Бульба» соответствует исторической правде, а что является художественным вымыслом? Какова инфернальная подоснова «Ревизора» и «Мертвых душ» и кто из известных современников Гоголя послужил прототипами героев этих произведений? О чем хотел написать Гоголь во втором томе «Мертвых душ» и почему он не смог закончить свое великое произведение? Возможно, он предвидел судьбу России?

На эти и другие вопросы читатель найдет ответы в книге «Расшифрованный Гоголь».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

© Соколов Б.В., 2021
© ООО «Издательство «Яуза», 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-521-86637-3

К ЧИТАТЕЛЯМ

Николай Васильевич Гоголь — один из самых таинственных, загадочных русских писателей. Человек глубоко верующий, православный, он был не чужд мистики и верил, что черт водит за собой людей, заставляя их совершать злые поступки. Что ж, его соотечественники украинцы веками жили по принципу: «Бога люби, но и черта не гневи».

Четыре наиболее известных в России и мире гоголевских произведения — это «Мертвые души», «Ревизор», «Тарас Бульба» и «Вий». Последняя повесть считается одним из основополагающих произведений в литературе ужасов (horror). «Тарас Бульба» сыграл важную роль в становлении украинского национального самосознания, а его главный герой до сих пор и в России, и на Украине почитается образцом героя, настоящего степного рыцаря, защитника православной веры. «Ревизор» получил мировое признание, и до сих пор эта пьеса не сходит со сцены, причем не только в нашей стране, поскольку вскрытые ею пороки никуда не делись и ее содержание остается актуальным не только для России. Наконец, «Мертвые души», вершинное произведение писателя, великая

поэма в прозе, дала нам столько бессмертных художественных типов, столь часто встречающихся в нашей реальной жизни, что имена героев поэмы давно уже стали нарицательными. Некоторые тайны этих гоголевских шедевров мы попытаемся разгадать в этой книге.

Писатель Дмитрий Мережковский полагал, что Гоголь всю жизнь боролся с чертом и в конце концов проиграл в этой борьбе. Представители недавно появившегося «православного гоголеведения», напротив, полагают, что писатель в последние годы вел жизнь христианского подвижника и умер как настоящий святой — во время Великого поста. Думаю, что на самом деле Гоголь страдал какой-то формой шизофрении, характерной чертой которой является отказ от приема пищи. Как отмечал психиатр Г. В. Сегалин, «шизофрения Гоголя развивалась постепенно. Из шизоидного состояния его первого периода жизни, периода творческих импульсов, развивалась постепенно полная картина шизофрении последнего периода жизни, когда его творческие импульсы иссякли вместе с опустошением его психики». С болезнью была связана и главная причина депрессии, спровоцировавшей роковой исход — затяжной творческий кризис писателя. Гоголь тяжело переживал неуспех книги «Выбранные места из переписки с друзьями», а еще больше — неудачу всех попыток написать второй том «Мертвых душ», показать там, если выразаться словами Достоевского, «положительно прекрасного человека». Но, как мы помним, такой герой у Федора Михайловича, князь Мышкин, окружающими почитается за идиота (что и дало на-

звание великому роману) и в конце концов сходит с ума. Гоголь, быть может, сам ощущал себя подобным «прекрасным человеком» или, по крайней мере, старался стать им, приблизившись к Христу. Он чувствовал в себе потребность к учительству и проповедничеству. В русской жизни истинно прекрасных душой людей он не находил, а то, что пытался изобразить на бумаге, выходило нежизненно. Тогда писатель винил себя, свои грехи (а греховными в конце жизни он считал «Ревизора» и первый том «Мертвых душ»). Демоны терзали его сердце, являлись к нему в видениях. Над душой Гоголя стоял кто-то, пострашнее Вия.

В XX веке, с наступлением в России эпохи революций, созданные Гоголем типы актуализировались, а его гениальные произведения стали восприниматься как весьма точные предсказания судьбы России и русских. Два русских философа, Николай Александрович Бердяев (1874—1948) и Василий Васильевич Розанов (1856—1919), глубже всех, можно сказать, гениально истолковали гоголевское наследие. Василий Васильевич Розанов первым прозрел то темное царство, которое открывается за гоголевскими образами, и по-настоящему ужаснулся этому. «Что же я бешусь? Что же я бешусь? — писал он в 1914 году. — Только Гоголя и ненавижу. «Из него тьма». Мы все «из Гоголя». И гоголевской сути от нас не отмоешь». Также Розанов в статье «Русь и Гоголь», написанной в связи с открытием памятника Гоголю 26 апреля 1909 года, утверждал: «В Пушкине Русь увенчала памятником высшую красоту человеческой души. В Гоголе памятником она венчает высшее могущество слова. Первый своими поэтическими об-

разами, фигурами «Капитанской дочки» и «Годунова» и своей чудной лирикой точно поставил над головою русского народа, тогда бедного и несвободного, тогда малого и незнаемого с духовной стороны в Европе, точно невидимый венец, как на иконах наших пишется золотой нимб над главами святых. Он возвел в идеал и свел к вечному запоминанию русскую простоту, русскую кротость, русское терпение; наконец, русскую всеобъемлемость, русское всепонимание, всепостижение. Не таков Гоголь, сила его — в другом: необъяснимыми тревогами души своей, неразгаданными в источнике и сейчас, он разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси. Он — отец русской тоски в литературе: той тоски, того тоскливого, граней которого сейчас и предугадать невозможно, как не видно и выхода из нее, конца ее. Не видно и результата ее. Он глубоко изменил настроение русской души. В светлую или темную сторону — об этом не станем спорить, не время сейчас спорить. Но бесспорно остается его сила в этой перемене. И эту-то силу Русь увенчивает памятником». Розанов утверждал, что «не человечество грезило и он один видел правду, но, напротив, оно чувствовало и знало правду, которую и отразило в поэзии всех народов на протяжении тысячелетий, а он сам грезил и свои большие грезы рассказал нам как действительность».

В книге «О понимании» (1886) Розанов отнес Гоголя к художникам-психологам, что, кстати сказать, было явной ошибкой, поскольку психологическим методом Гоголь так и не овладел. Но Розанов весьма своеобразно понимал тип художника-психолога. По его мнению, художник-психолог — это «всегда

больной человек — тот, у кого началось распадение духа, который утратил цельность психической жизни, хотя не до той степени, где начинается помешательство и безумство». При этом «он был до такой степени уединен в своей душе, что не мог коснуться ею никакой иной души: и вот отчего так почувствовал всю скульптурность наружных форм, движений, обликов, положений». Потому-то «мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мертвые души только увидел он в ней. Совсем не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы». Пафос творчества Гоголя Розанов усмотрел в «великой жалости к человеку». Вместе с тем Розанов возмущался, что «после Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать. Таким образом, творец «Мертвых душ» и «Ревизора» был величайшим у нас... политическим писателем. Чего жалеть всех «мертвых душ», всех этих собакевичей, плюшкиных, маниловых и коробошек?» Поэтому он называл Гоголя политическим писателем, и вслед за ним эту характеристику повторил Бердяев. Розанов не мог простить писателю, что «нигилизм — немислим без Гоголя и до Гоголя».

В «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов видел в Гоголе прежде всего философа, а не литератора: «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном); и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона. Но в характеристике своей я коснулся души

Гоголя и, думаю, тут ошибся. Тут мы вообще все ничего не знаем о Гоголе. Нет в литературе нашей более неисповедимого лица, и, сколько бы в глубь этого колодца вы ни заглядывали, никогда вы не проникнете его до дна; и даже по мере заглядывания все менее и менее будете способны ориентироваться, потеряете начала и концы, входы и выходы, заблудитесь, измучитесь и воротитесь, не дав себе даже и приблизительно ясного отчета о виденном. Гоголь — очень таинствен; клубок, от которого никто не держал в руках входящей нити. Мы можем судить только по объему и весу, что клубок этот необыкновенно содержателен... Поразительно, что невозможно забыть ничего из сказанного Гоголем, даже мелочей, даже ненужного. Такою мощью слова никто другой не обладал. В общем рисунок его в равной мере реален и фантастичен. Он рассказывает полет бурсака на ведьме («Вий») так, что невозможно не поверить в это как в метафизическую бль; в «Страшной мести» говорит об испуге тоном смертельно боящегося человека. Да, он знал загробные миры; и грех, и святое ему были известны не понаслышке. В то же время в портретах своих, конечно, он не изображает действительность, но схемы породы человеческой он изваял вековечно; грани, к которым вечно приближается или от которых удаляется человек...»

А в статье «О происхождении некоторых типов Достоевского» Розанов утверждал, что смех у Гоголя — демонический, дьявольский: «Достоевский имел одну, так сказать, мимолетно-общую черту с Гоголем, — демоническую: его, как и Гоголя, смех разбирал «до пупика» при мысли, при образе, при самом